А. В. Востров

ИДЕЯ О НЕЗАВИСИМОСТИ АЛАНДСКОГО АРХИПЕЛАГА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА, МЕЧТА ИЛИ НЕВОПЛОЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

На протяжении полутора столетий, от окончания Крымской войны до рубежа тысячелетий, вопрос независимости Аландских островов несколько раз поднимался как в общеевропейской балтийской политике, так и на уровне местных властей. Менялись политический баланс держав, их именования и форма правления, принадлежность архипелага и его статус… но предложения о независимости Аландов продолжали звучать на мирных конференциях или в политических кулуарах. Подобная «живучесть» идеи говорит о том, что она была неслучайной и появлялась благодаря (а порой, вопреки) текущей политической обстановке. Поэтому возникает вопрос о природе возникновения идеи и существования реальных политических оснований для нее.

Первый раз идея независимости Аландских островов прозвучала во время Крымской войны, которую в финской историографии периодически называют *Аландской* из-за главной военной операции объединенного англо-французского флота в Балтийском море — атаки крепости Бомарсунд. Ближе к концу войны вопрос статуса Аландского архипелага доминировал в балтийских внешнеполитических дебатах, а интересы Великобритании и Швеции совпадали: западные державы не желали русской угрозы Стокгольму и, главное, предпочитали держать русский флот на базах в Финском заливе.

На мирном конгрессе Швеция представила три возможных варианта решения Аландского вопроса: передача архипелага Швеции; *формирование нейтрального государства* под покровительством Великобритании, Франции и Швеции-Норвегии; демилитаризация архипелага[1]. Без активного участия Франции, которая начала сближение с Россией, Великобритания и Швеция довольствовались малым. Демилитаризация архипелага

была узаконена отдельной статьей — Аландским сервитутом, принятым в марте 1856 г. в результате Парижского мирного договора.

После заключения договора французский император Наполеон III заявил шведскому представителю в Париже: «Думаю, что (шведский) Король должен быть доволен. Достигнута моральная победа <…> Получить большее невозможно без ущерба интересам больших держав и даже, может быть, самому миру, который нам необходим. <…> Внимание всей Европы теперь приковано к этой точке; все понимают ее важность и больше не будут пренебрегать ею…»[2].

Демилитаризация архипелага нанесла существенный урон военному потенциалу Российской империи в регионе Балтийского моря — как и престижу страны в целом. Тем не менее, Аландский вопрос оставался закрытым, и предпосылок к его развитию не предвиделось. Когда в 1864 г. окончательно оформился политический распад скандинавизма, мысль об объединении Швеции и Финляндии была окончательно снята со шведской повестки. В аландском ракурсе это означало, что Швецию теперь интересовал исключительно архипелаг, его принадлежность и статус.

Несомненно, шведский нейтралитет в военных конфликтах не зависел полностью от статуса Аландов, но демилитаризация архипелага оставалась важной его частью. Когда, например, российское министерство иностранных дел в 1913 г. задалось вопросом о размещении на Аландах базы для аэропланов с целью наблюдения за приграничной территорией, оно быстро поняло тщетность своих попыток решить вопрос путем переговоров. Нейтралитет Швеции во время Первой мировой войны оставался значимым для России ввиду прямого сообщения с западными союзниками через ее территорию, а также использования ее промышленной продукции взамен германского экспорта[3].

Аландский вопрос перешел в новую фазу с ноября 1914 г., когда Османская империя вмешалась в мировую войну и закрыла пролив Дарданеллы для держав Антанты. С наступлением зимы железнодорожные и морские пути через Швецию оказались единственным сообщением между Россией и Великобританией (не считая почти бесконечной Восточно-Сибирской железной дороги), а Россия все более зависела от шведского экспорта.

Как только Швеция согласилась с доводами об оборонительном характере укреплений на период военных действий, начались работы по фортификации архипелага. Однако послевоенная судьба укреплений продолжала волновать российских дипломатов, которые небезосновательно считали, что Швеция захочет получить Аланды либо с помощью Германии, либо как компенсацию за проявленное дружелюбие к России.

Поэтому официальный Петербург сознательно избегал прямого ответа на шведские вопросы, возникавшие из-за симметричного беспокойства о послевоенных Аландах. Тогда в Стокгольме начали искать различные варианты решения Аландского вопроса — в том числе, с участием Германии.

В январе 1915 г. Швеция предложила Берлину поддержать *нейтральный статус* архипелага, но Германия отказалась, подразумевая возможность его захвата собственными силами. Несколько позднее появилась еще одна альтернатива: директор Шведского телеграфного бюро Г. Эклунд в разговоре со своим российским коллегой предложил вариант продажи архипелага Швеции или сдачи его в аренду (при условии сохранения демилитаризованного статуса)[4]. Ответной российской реакции на предложение не последовало. Летом и осенью 1915 г. Германия, убедившись в затяжном характере войны и получив новых противников, попыталась втянуть Швецию в военные действия, предлагая в качестве компенсации Аландские острова и даже союзную (но зависимую от Швеции) самостоятельную Финляндию.

В мае 1916 г. Аландский вопрос был вынесен на заседание риксдага, и министр иностранных дел К. Валленберг потребовал от России однозначного ответа на вопрос о послевоенной судьбе архипелага. На заседании Главного штаба было принято решение об отсутствии необходимости в укреплениях в мирное время, о чем незамедлительно был проинформирован официальный Стокгольм. По мнению российского военного руководства того времени, при любом исходе войны Аландский вопрос становился второстепенным[5].

Февральская революция нивелировала актуальность совместного обсуждения Аландского вопроса: долго и тщательно готовившиеся переговоры не состоялись. Временное Правительство в августе 1917 г. с подачи Стокгольма заявило о готовности обсуждать вопрос ближайшей осенью, но Октябрьская революция коренным образом изменила ситуацию. 12 декабря 1917 г. в Гельсингфорсе был обнародован меморандум, согласно которому Финляндия объявила себя независимой (на практике — со значительным германским уклоном). Аландские острова стали неотъемлемой частью нового государства, а нейтральные дипломатические службы Швеции временно представляли финские интересы[6].

В конце декабря Швеция попыталась узнать мнение западных держав по поводу финского суверенитета, одновременно ведя секретные переговоры о будущем Аландов с Германией: притязания на архипелаг объяснялись тем, что Аланды населяют этнические шведы и что Фридрихсгамский мирный договор 1809 г. больше не имеет силы. 14 февраля 1918 г. шведский военный эскорт прибыл на архипелаг: по заявлению

официального Стокгольма — с гуманитарной миссией, «для пресечения насилия над жителями». Помимо желания обладать архипелагом, к активным действиям Швецию подтолкнул адрес, подписанный значительным большинством аландцев и направленный шведскому королю.

Появлению вышеуказанного адреса способствовало «аландское движение», стартовавшее 20 августа 1917 г. В процессе обсуждения участники встречи рассматривали несколько возможностей развития событий: остаться в составе Финляндии, стать *обособленным регионом* с гарантией международного сообщества, войти в состав Швеции. Последняя идея значительно доминировала. Сторонники отделения позднее выдвинули лозунг: «*Finland fritt, Åland svenskt*» («Свободная Финляндия — шведские Аланды»), быстро завоевавший популярность на архипелаге[7].

В результате на свет появилась петиция, в которой сообщалось, что «аландское население жаждет объединения своих островов с Королевством Швеции»[8]. Выражение народной воли позднее стало определяющим шведским аргументом в борьбе за архипелаг вкупе с неспокойной ситуацией в Финляндии, а аландский сепаратизм вышел за пределы новообразованного государства и превратился в фактор международной политики.

Летом 1918 года на Аландах была организована неофициальная ассамблея архипелага — ландстинг, который в ноябре принял решение провести показательный для Великобритании, Франции, США и Италии плебисцит. В июне 1919 г., в разгар Парижской мирной конференции, на Аландах состоялся референдум, в ходе которого около 95% проголосовавших высказались за воссоединение со Швецией. Вооружившись его результатами, аландская делегация отправилась на конференцию и добилась встречи почти со всеми странами-победительницами. Однако аландское мнение оказалось малозначимым, чтобы можно было всерьез актуализировать тезис В. Вильсона о праве наций на самоопределение. «Как, — иронически спрашивал президент Финляндии К. Ю. Столберг, — какие-то отдельные прихожане позволили себе ссылаться на Вильсона?»[9]

Балтийская комиссия, сформированная на конференции, в процессе обсуждений рассматривала четыре варианта решения Аландского вопроса: совместный финско-шведский контроль над архипелагом; независимое государство под покровительством Лиги Наций; передача архипелага Швеции (с возможным учетом материальной или территориальной компенсации Финляндии); финский суверенитет над Островами. Параллельно комиссия высказывала пожелания о продлении Аландской конвенции 1856 года или даже нейтрализации архипелага под покровительством Лиги Наций.

Мнения членов комиссии разделились: Великобритания и США высказывались за первую идею, Франция, Италия и Япония — за участие в процессе принятия решения России, не представленной на конференции. В итоге Парижская мирная конференция приняла британское предложение о передаче Аландского вопроса на рассмотрение Лиги Наций, Совет которой для подготовки окончательного решения учредил комиссию из представителей трех независимых государств: Франции, Нидерландов и Швейцарии.

Финское правительство, принимая во внимание международную обстановку (в первую очередь, обмен резкими нотами со Швецией), вплотную занялось вопросами архипелага и 6 мая 1920 г. приняло Акт об автономии Аландов. Однако это не удовлетворило аландскую элиту, которая заявила о желании воссоединиться со Швецией в кратчайшие сроки (что уже вызывало беспокойство в Стокгольме как «невыполнимая задача»).

Рекомендации комиссии Лиги Наций привели к окончательному решению: 24 января 1921 г. Совет Лиги Наций признал принадлежность архипелага Финляндии с условием соблюдения значительной автономии и сохранения шведскости (с международной гарантией), а 24 июня была принята резолюция по этому вопросу, вначале признанная шведскими и финскими представителями, затем и местным аландским населением — во многом из-за понимания необратимости процесса. В отчете комиссии отмечалось, что предложение о *независимом статусе архипелага* является нежизнеспособным, даже если бы Финляндия признала этот вариант развития событий[10].

Летом 1929 г., после десятилетнего охлаждения из-за Аландского кризиса, наметилось сближение финских и шведских политических позиций. С 1933 г. началась серия ежегодных совместных встреч, где оба Генштаба в обстановке строгой секретности обсуждали, как будет формироваться будущая оборона. Так как мнения обеих сторон значительно расходились, процесс поиска компромисса затянулся на несколько лет и получил реализацию только в «Стокгольмском плане» в январе 1939 г.

Параллельно развивались отношения между Финляндией и СССР: в январе 1932 г. в Хельсинки шли переговоры о заключении пакта о ненападении, а в советском внешнеполитическом ведомстве обсуждалась идея (на практике не реализованная) о включении в текст пункта об Аландских островах[11]. Важность Аландского вопроса с точки зрения советского военного руководства не вызывала сомнений, так как в случае укрепления Островов защита дальних подступов к Ленинграду ослаблялась из-за блокировки действий Балтийского флота[12]. Помимо этого, в Москве рассматривали германскую военно-морскую стратегию,

которая учитывала Аланды и благосклонно смотрела на их вооружение со стороны Финляндии (против СССР).

События «зимней войны» не изменили ситуацию вокруг архипелага, не считая того, что совместные финско-шведские планы перестали быть актуальными. Отношения между СССР и Финляндией, связанные с Аландским вопросом, определились лишь 11 октября 1940 г. в результате подписания соглашения, подтверждавшего демилитаризованный статус архипелага. В соответствии с ним в Мариехамне открывалось советское консульство, основной целью которого являлся контроль за невооружением архипелага.

На протяжении 1941–1944 гг. вопрос об Аландах не входил в первостепенные интересы советского руководства. Однако летом 1944 г., когда перспективы выхода Финляндии из войны начали проясняться, в Москве вновь появился интерес к Аландскому архипелагу. Председатель Комиссии по подготовке мирных переговоров и послевоенного устройства М. М. Литвинов подготовил справку «Аландский вопрос», датированную 28 июня 1944 г. В ней он подчеркнул, что наиболее правильным решением является установление неограниченного советского суверенитета над Аландами. В случае невозможности последнего он предлагал настаивать на размещении военно-морских и воздушных баз СССР на островах архипелага — с оставлением их в составе Финляндии или, что являлось более предпочтительным, на полностью независимом архипелаге[13].

В Хельсинки начали обсуждать будущее архипелага несколько раньше, чем в Москве: известный финский дипломат Карл Энкель 30 ноября 1943 г. подготовил справку, в которой отметил важность архипелага для Великобритании, Советского Союза, Германии, Швеции и Финляндии — особенно выделяя Великобританию как гаранта баланса сил[14]. В Стокгольме считали, что высшее руководство СССР не будет требовать передачи Аландов, в том числе из-за перспективы установления добрососедских отношений с Финляндией[15].

Сентябрьские переговоры о заключении соглашения о перемирии 1944 г. проходили в Москве в напряженной обстановке. По Аландским островам было принято решение, которое опиралось на прежнюю договоренность 1940 г., и в середине октября советское консульство возобновило свою деятельность, ставшую с этого момента постоянной.

Судя по всему, некоторые слухи о московских переговорах все-таки достигли председателя аландского ландстинга Ю. Сундблума, так как в ноябре 1944 г. он посетил Стокгольм и в беседе со шведским премьер-министром пожаловался на то, что финское правительство пытается за счет региона пойти на сделку с Москвой. Его новое предложение о воссоединении со Швецией было проигнорировано, поэтому он предложил

встречный вариант, связанный с *независимостью* региона, что также не вызвало энтузиазма на западном берегу Ботнического залива. После этой беседы идея о принадлежности Аландов Швеции больше никогда не звучала, а в Мариехамне сосредоточились на расширении автономии региона.

Интересно, что идея независимости архипелага одновременно продумывалась и в Москве, и в Мариехамне, но из-за внешнеполитических факторов это так и не появилось в повестке обсуждений. В Москве не хотели нагнетать напряжение в отношениях с Финляндией, а в Стокгольме всерьез не рассматривали данный вариант, понимая его нежизнеспособность в условиях текущих взаимоотношений Москвы и Лондона. 10 февраля 1947 г. в Париже с Финляндией был подписан мирный договор. Он лишь закрепил все договоренности недавнего перемирия. По Аландам результатом прений стал компромисс с несколько расплывчатой формулировкой: «Аландские острова должны оставаться демилитаризованными в соответствии с ныне существующим в настоящее время положением»[16].

После окончания Второй мировой войны финские государственные лидеры стали склоняться к расширению аландского самоуправления. Новый закон был окончательно утвержден в парламенте в октябре 1951 г. В следующем году президент Финляндии Ю. К. Паасикиви ратифицировал его, и жители региона получили право выбрать собственные флаг и герб. Финский президент без замечаний утвердил закон о флаге зимой 1954 г., хотя шведские цвета продолжали задавать в нем тон.

Косвенным следствием появления аландских «национальных» символов стало то, что в 1970 г. Аланды (наравне с Фарерскими островами и Гренландией) обрели собственное, отличное от Финляндии, представительство в Совете Северных стран, а в 1984 г. регион получил право печатать и пользоваться собственной почтовой маркой. И уже в XXI веке Аланды обрели новое подтверждение особого статуса: в 2006 г. Острова получили собственный интернет-доменом высшего уровня «*.ax*», хотя до этого времени пользовались доменом, связанным с Финлянией, — «*.aland.fi*». Самым неоднозначным символом архипелага стали местные деньги — далеры, которые аландские власти планировали ввести в обращение в 1991 г. на фоне усиления движения за независимость. Были даже отчеканены 100 тысяч монет номиналом 10, 50 и 100 далеров, однако финские власти достаточно резко выступили против этой инициативы, и весе выпущенные монеты затем переплавили.

Пересмотр закона об автономии также произошел в 1991 г. — в первую очередь, из-за экономических интересов. Согласно новому положению сумма компенсации Аландам составляет 0,45% национального до-

хода Финляндии, и она может быть дополнена, если доходы архипелага превышают 0,5% государственных доходов (с конца 1990-х гг. это значительно увеличило местный бюджет). Важным дополнением закона стало то, что «право на малую родину» (шв. *hembygdsrätt*) могло быть получено, если соискатель обладал удовлетворительными знаниями шведского языка. Помимо этого, название архипелага появилось в паспортах, выданных на Аландах.

Закон вступил в силу с 1 января 1993 г., и, вслед за получением международного подтверждения автономии, регион получил право самостоятельно решить вопрос о присоединении к Европейскому Союзу. Аландцы выразили свое положительное отношение к членству в ЕС на двух референдумах: первый раз — на общенациональном финском референдуме, месяцем позже — на собственном референдуме. Таким образом, Аланды вместе с Финляндией вступили в ЕС, однако в особом статусе: сниженные налоги привели к установлению таможенных границ между архипелагом и метрополией.

Начиная с 1980-х гг. шведский язык — культурный и этнический феномен автономии — постепенно терял почву, что вылилось, как крайний случай, в движение Ålands framtid («Будущее Аландов»), созданное в начале 2000-х гг. и озвучившее предложение о независимости архипелага. Движение не получило серьезной поддержки местного населения (за его голосует от 6,5% до 9,9% избирателей)[17], в первую очередь, из-за экономического фактора. Например, социал-демократы, выступая с лозунгом «Мы все — аландцы», получают более существенную поддержку.

По результатам опроса общественного мнения 1999 г., история и культура стали основными факторами построения аландской идентичности, аландский шведский язык — главным ее инструментом. К рубежу тысячелетий местные жители получили собственную оценку истории, развиваемой с 1920-х гг., и выкристаллизовавшейся в особую аландскую культуру, прежде воспринимаемую как часть шведской.

Таким образом, идея о независимости архипелага, впервые прозвучавшая на мирных переговорах по результатам Крымской войны, стала относительной реальностью лишь в самом конце XX столетия. До этого момента она являлась лишь разменной монетой в политической игре, и даже случайное пересечение интересов аландской элиты и некоторых представителей советского внешнеполитического ведомства в тех реалиях не могло быть реализовано.

Относительную реальность разговора о независимости подтверждают «государственные» символы архипелага (флаг, герб, право на «малую родину», парламент-лагтинг, несколько консульств, расположенных в Мариехамне), а также его особый международный статус. Тем не менее,

идея не получила поддержку среди местного населения по экономическим мотивам: в таком случае архипелаг теряет значительные финские дотации, обеспечивающие уверенность в условиях изменчивого рынка, и выгодное налоговое исключение, которое гарантирует, что движение паромов через Мариехамн останется прибыльным. Кроме того, многие аландцы понимают, что ни Финляндия, ни Швеция, ни Россия не согласятся с этим.

В 2013 г. началась модернизация системы аландского самоуправления. Планируется, что новый «Закон об автономии» вступит в силу 1 января 2022 г. — в год празднования Аладами столетнего юбилея самоуправления. В работе Комитета по подготовке закона принимают участие как аландские, так финские парламентарии, что говорит о том, что местные политические силы сосредоточились на поддержке автономии и самоуправлении архипелага — период скрытой конфронтации с Хельсинки остался позади. Поэтому идея о независимости является лишь мечтой, косвенно отражаемой неофициальным гимном архипелага — «Аландской песней».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Söderhjelm, J. O.* Démilitarisation et neutralisation des îles d'Aland en 1856 et 1921. Hels., 1928. P. 97.

[2] Цит. по: Ibid. P. 117.

[3] *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 182.

[4] *Новикова И. Н.* Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб, 2006. С. 353.

[5] *Luntinen P.* The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // The Slavonic and East European Review. Vol. 54, No. 4. London: University Colledge London, 1976. P. 565–566.

[6] *Meinander H.* Finlands historia. V. 4. Helsingfors, 1999. Hels., 1999. S. 29.

[7] *Högman G.* Ålänningarna och Ålandsfrågan // Väster om Skiftet. Uppsatser ur Ålands historia. Åbo, 1986. S. 133.

[8] *Engman M.* Språkfrågan: Finlandssvenskhetens uppkomst 1812–1922. Hels., 2016. S. 354.

[9] Цит. по: *Salminen J.* Åland. Mariehamn, 1989. S. 108.

[10] *Söderhjelm, J. O.* Démilitarisation et neutralisation des îles d'Aland en 1856 et 1921. P. 150.

[11] *Комаров А. А.* СССР и Аландский вопрос // Северная Европа. Проблемы истории. М., 2005. С. 132.

[12] *Барышников В. Н.* «Аландский вопрос» в международных отношениях Балтийского региона в 1939 г. // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 97.

[13] *Мусаев В. И.* Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2012. С. 150.

[14] *Комаров А. А.* СССР и Аландский вопрос. С. 138–139.

[15] Там же. С. 139.

[16] Цит. по: *Gustavsson K.* 80 år på havet. Sjöbevakningen på Åland 1930–2010. Mariehamn, 2010. S. 82.

[17] Statistisk årsbok för Åland 2019 // Åland statistik och utredningsbyrå: Mariehamn, 2019. S. 217.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. «Аландский вопрос» в международных отношениях Балтийского региона в 1939 г. // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград: Издательство РГУ им. И. Канта, 2005. С. 96–108.

Барышников Н. И. Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. Санкт-Петербург: Наука, 2010. 409 с.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1909. 635 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. Москва: РГГУ 1999. 359 с.

Комаров А. А. Аландский вопрос в XX веке: взгляд Москвы // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. Москва: Индрик, 2001. С. 174–182.

Комаров А. А. СССР и Аландский вопрос // Северная Европа. Проблемы истории. Москва: Наука, 2005. Вып. 5. С. 131–143.

Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. С. 144–154.

Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. Санкт-Петербург: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 2006. 450 с.

Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805–1815). Москва: Весь Мир, 2012. 520 с.

Сундбак Б. История успеха // Острова мира. Автономия, демилитаризация и нейтралитет Аландских островов. Мариехамн: Институт мира Аландских островов, 2016. С. 75–130.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире: Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет войнах 18–20-х столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. Санкт-Петербург: ОРЕОС, 2008. 604 с.

Anckar D. Åland som mikrostat, ett självständighetsscenario // Den andra Ålandsfrågan. Autonomie eller självständighet? Mariehamn: Julius Sundbloms Minnesstiftelse, 2001. S. 213–242.

Barros J. The Aland islands Question: Its settlement by the League of Nations. London: Yale University Press, 1968. 362 p.

Dreijer M. Ålands självstyrelse 1947–1972. Mariehamn: Festskrift, 1972. 255 s.

Engman M. Språkfrågan: Finlandssvenskhetens uppkomst 1812–1922. SLS, Helsingfors, 2016. 458 s.

Edquist S., Holmén J. Islands of Identity: History-writing and identity formation in five island regions in the Baltic Sea. Stockholm: Södertörn University, 2015. 418 pp.

Gustavsson K. 80 år på havet. Sjöbevakningen på Åland 1930–2010. Mariehamn: PQR, 2010. 171 s.

Gustavsson K. Kring Åland hösten 1939. Politiska och militära aktiviteter i norra Östersjön. Mariehamn: PQR, 2017. 239 s.

Holmén J. Fluctuating Dynastic and National Affiliation: The Impact of War and Unrest on Bornholm, Aland, and Saaremaa // The Sea of Identities. A Century of Baltic and East European Experiences with Nationality, Class, and Gender. Stockholm: Sodertorn University, 2014. P. 31–52.

Högman G. Ålänningarna och Ålandsfrågan // Väster om Skiftet. Uppsatser ur Ålands historia. Åbo, 1986. S. 117–137.

Jungar S. Sovjetryssland och Ålandsfrågan 1917–1921 // Väster om Skiftet. Åbo, 1986. S. 138–171.

Luntinen P. The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // The Slavonic and East European Review. Vol. 54, No. 4. London: University Colledge London, 1976. P. 557–571.

Meinander H. Finlands historia. Volume 4. Helsingfors: Schildts, 1999. 638 s.

Meinander H. Nationalstaten. Finlands svenskhet 1922–2015. Helsingfors: SLS, 2016. 335 s.

Nihtinen A. Åland as a Special Case: From Monolith to Diverse? // Journal of Northern Studies, 11(2), 2017. P. 49–65.

Salminen J. Åland // Självstyrelseregioner och minoreter i Europa. Mariehamn: Ålands högskola, 1989. S. 104–112.

Söderhjelm J. O. Démilitarisation et neutralisation des îles d'Aland en 1856 et 1921. Helsingfors: Söderstrom & Co., 1928. 380 p.